

МИГУЛАЙ ИЛЬБЕК

ТЁТКА ХВЕДУСЬ

Повесть

Что ни говори, а стареет наша тетка Хведусь. И она ни за что не хочет мириться с этим: ежедневно меняет платья, подвязывает их пояском потуже да повыше, под самой грудью, следит за своей осанкой. Но увы, время безжалостно!

«Старушкой» муж начал называть ее сразу после свадьбы. Так все долгие годы совместной жизни он ее и называл: «Моя старушка». Не очень нравилось это Хведуси, но, пока молода была, не обращала внимания или отшучивалась: «Сам ты старик, мочальная борода!»

Право же, тетка Хведусь не могла себе и представить, что придет время, когда она действительно станет старой.

Бывало, пойдет в другую деревню к дочери, одним духом перемахнет через горку Тенгежека — вот и, пожалуйста, Хорновары. Был даже такой случай: возвращалась она из Хорновар, и откуда ни возьмись выскочил волк, колотушка с хвостом, как называют его чуваши. Тетка Хведусь с криком «Орях воос!» — так у нас пугают волков — помчалась за ним и пробежала больше километра, ничуть не устав. Волк ни разу и оглянуться не посмел. А теперь не то что волк, зайчишка-трусишка не испугается тетки Хведуси, будет скакать впереди да насмешливо помахивать своим коротеньким хвостиком. И через горку старая женщина уже не ходит, бредет в Хорновары по шоссе.

Зато какое у нее чудо — яблоневый сад, пасека и сирень вокруг дома, в пору цветения щедро склоняющая пахучие гроздья через ограду на улицу! Во всем селе нет столько зелени, сколько на участке деда Павла и тетки Хведуси.

Между прочим, в давние времена на этом месте были бесплодная пустошь и овраг. Дед Павел — тогда молодой — был и горд, и беден. Когда после женитьбы отец его отделил, он сам выбрал неприглядную пустошь,

чтобы поставить на ней избу. Хведусь, конечно, взвилась:

— С ума ты спятил, дурило? Сам подумай, мыслимо ли тут жить?

Павел отмалчивался, а жена воля была коротка. Куда иголка, туда и нитка — вынуждена была Хведусь распротиться с мечтами о мягкой, как пух, земле.

Павел посадил ветлы, перегородил насыпью овраг, после долгих поисков нашел родничок, сочившийся тонкой серебряной струйкой из-под обомшелого камня. Словно большую удачу, боялся упустить ручейки после ливня или талой воды. Потом стал засыпать овраг, принося землю с окрестных холмов. Хведусь помогала изо всех сил — а что ей оставалось делать? Бездна труда и не один год ушли на то, чтобы задуманное Павлом осуществилось. Но, как говорится, и десяти лет не прошло, стали молодые хозяева выращивать и отличный картофель, и помидоры, и свеклу, и лен. А после революции, когда в селе организовали колхоз, на участок Павла и Хведуси люди даже приходили учиться огородничеству.

Да, дом тетки Хведуси и деда Павла — полная чаша. Уж хозяева не отпустят никого, кто к ним заглянет, не угостив пирогами, не попотчевав яблоками, вареньями и собственным пивом.

Но была в жизни тетки Хведуси и черная полоса, когда светлую ее старость омрачили тучи. О ней-то мы и расскажем, заручившись, конечно, согласием всех действующих лиц этой истории.

У Хведуси и деда Павла есть сын, ассы, что по-чувашски значит «последыш», по имени Педэр.

Хотя родился Педэр, когда, по совести говоря, им уже и не следовало бы обзаводиться новым ребенком, вырос он крепким и видным парнем. Пошел не в низкорослого отца и не в смуглую черноволосую мать, а в деда по матери: рослый, белокурый и голубоглазый. Дед при жизни любил заниматься с мальчиком и пророчил: вырастет — станет генералом. Деду нравились военные люди, должно быть, потому, что он сам прошел японскую войну, потом первую мировую, и было у него два Георгиевских креста.

Наверное, Педэр унаследовал от деда тягу к военной службе. Окончив с медалью среднюю школу, он своей охотой пошел в армию. Уже к следующей весне он получил звание сержанта. Когда он написал об этом родителям, тетка Хведусь от радости всплакнула, а потом испугалась: если, как предсказывал ее отец, сын действительно станет большим военным начальником, то не вернется больше в село, некому будет передать дом и придется ей и деду Павлу доживать свой век в одиночестве.

От этой мысли тетка Хведусь потеряла сон и покой. Ночью ворочалась в постели, горестно вздыхала, а днем ходила как в воду опущенная, и все валилось у нее из рук. Муж, как мог, ее успокаивал, а потом стал и покрикивать:

— Что ты, старая, слезы льешь, как по покойнику? Захочет Педэр вернуться домой — хорошо, а нет, так надо пожелать ему счастья в той жизни, которую он изберет. Теперь время такое, молодому человеку все пути-дороги открыты. И то сказать, пусть белый свет посмотрит и разные науки постигнет!

Тетка Хведусь даже бледнела от негодования:

— Ты сына не вскармливал грудью, как я, поэтому так и рассуждаешь! Тебе что, ты всего-навсего отец. Чем плохо Педэру в нашем селе? Колхоз богатый, может стать хоть трактористом, хоть животноводом, как я была, будут ему и почет, и уваженье!

В голове тетки Хведуси созрел план: женить сына, как только он придет на побывку, — крепче материнской ласки и пеньковой веревки привяжет его это к отчим местам. А невеста для Педэра у нее давно уже на примете: Галя, дочь Кедерук, старой подруги Хведуси, с которой вместе работали когда-то на ферме.

Галя такая девушка — увидишь, зажмуришься, словно взглянул на солнце. Лицом зрелая ягодка, косы до пояса. А если бы вы слышали ее голос! На одном агадуде, празднике песни, пела она перед авторитетной комиссией, и та в один голос заявила, что Гале непременно надо ехать в Чебоксары учиться в музыкальном училище.

Вот такую девушку присмотрела для своего Педэра тетка Хведусь. Не против была породниться со старой подругой и тетушка Кедерук. Женщины поговорили

между собой и считали дело решенным. Они уже и называли друг друга свахами.

Педэр несколько раз писал, что ему вот-вот дадут краткосрочный отпуск. Он дослужился до старшего сержанта, а потом и до старшины. После каждого письма сына с обещанием скоро приехать тетка Хведусь наваривала бочку пива, готовила шорттан — тушеную баранину без костей, мыла и скоблила дом. Но всякий раз приходило другое письмо, в котором Педэр сообщал, что его отпуск откладывается.

Окончился срок службы в армии, в село вернулись многие из ровесников Педэра, от него же долго не было ни слуху ни духу. Потом почтальон принес письмо. Педэр сообщал, что остался служить сверхсрочно.

Тетка Хведусь пролила столько слез! А тут и Галя, нареченная Педэра (кстати сказать, сама девушка об этом не подозревала), уехала учиться в Казань, но не в музыкальное училище, а в медицинский институт. Горевала, горевала тетка Хведусь и наконец послала сыну строгий наказ: приехать домой хоть на несколько дней, чтобы поговорить о его планах.

Педэр ответил, что будет к Новому году и, возможно, не один.

До Нового года оставались считанные недели, и в доме тетки Хведуси поднялся дым коромыслом. Хотя старая женщина перечитывала письмо сына не один раз, она как-то не обратила внимания на сделанную в нем оговорку. Ну, если Педэр привезет погостить какого-нибудь дружка — и хорошо, милости просим, места в доме хватит и шорттана будет вволю. Тетка Хведусь от тетушки Кедерук знала, что и Галя собирается домой на Новый год, и мысли о том, что необходимо воспользоваться таким стечением обстоятельств, лишили старую женщину ее обычной проницательности.

Дед Павел оказался догадливей.

— А сынок-то наш, видать, приедет со своей зазнобушкой, — сказал он, помогая жене белить печь. — Ну да так оно и должно быть: двадцать пятый год парню...

У тетки Хведуси выпала из рук кисть.

— Ты что болтаешь?! — закричала она. — Да типун тебе на язык, да запутались бы твои слова в бороде! Какую такую зазнобу может привезти с чужой стороны Педэр? Тьфу, чтоб ты подавился этими словами!..

— Да ты, старая, сама вникни... — попытался утихомирить супругу дед Павел.

— Нечего тут вникать! — отрезала Хведусь, выплеснув на кирпичи прямо из ведра разведенный мел. — С товарищем придет. Слушать тебя не хочу! — топнула она ногой на мужа, снова открывшего было рот.

Но сомнение запало в душу тетки Хведуси, и вечером она позвала соседского мальчика Алексея, учившегося в седьмом классе. Хведусь часто просила писать письма Педэру под ее диктовку. Решила она сообщить сыну о присмотренной ему невестке, чтобы он, чего доброго, и впрямь не наделал глупостей. Алексей, помогая себе высунутым кончиком языка, трудился целый час, расписывая красоту и достоинства Гали, хотя по своему малолетству и легкомыслию иногда и фыркал от смеха. Дед Павел, сидевший в углу и вырезавший из высушенного можжевелевого корня трубочку, тоже иногда усмехался и покачивал головой. Для него было новостью, что Хведусь и Кедерук сговорились выдать Галю за Педэра. Впрочем, девушка и ему нравилась.

Однако когда Хведусь стала передавать сыну привет и поклон от Гали, старик осмелился вмешаться:

— Мать, может, этого не надо писать? Галя-то в Казани...

— Молчи, медведь! — резко оборвала его супруга. — Состарился, а ума не нажил. Пораскинь своей головой: если бы Галю спросить, разве не послала бы она Педэру привет? То-то же. Пиши, Алексеюшка, пиши!..

Наверное, Педэр не успел получить этого письма, когда отправил родителям телеграмму: «Женился прекрасной девушке Гюльшат пожелайте счастья шлем приветы целуем».

В доме тетки Хведуси воцарилась такая тишина, словно хозяева неожиданно выехали из него. Соседи, которым содержание телеграммы, разумеется, сразу стало известно от почтальона, видели, как в конце дня куда-то просеменил по улице дед Павел. Вернулся он с фельдшером. Но последний пробыл в доме недолго и в обратном направлении пересек двор почему-то очень быстро, придерживая рукой шляпу.

Тогда разузнать, как отнеслась тетка Хведусь к женьтибе сына, отправился старик Митрахван, на всякий

случай переобувшийся в старые валенки, которые были полегче. Кто-кто, а он-то знал, какова бывает Хведусь в гневе, потому что не раз спасался от нее бегством, когда работал подвозчиком кормов на ферме.

Митрахвана чинно и мирно встретил дед Павел. Старики сели рядышком на лавку и выкурили по трубочке.

— Да, такова нынешняя молодежь,— завел разговор Митрахван,— и не спрашивают отца с матерью, когда задумают жениться. Ну что же, не всегда они делают промашку. Вот и мой сын Гераська женился, как говорится, своим умом. Ну и герой она у него! Выше его ростом, широкой кости, пятипудовый мешок вскинет на плечи и понесет хоть бы что. Мать-то сначала тоже все пилила Гераську, дескать, надо бы хоть по росту подходящую подобрать, а теперь не нарадуется: живут Гераська с женой дружно, словно пара ласточек, и растут у них пригоженькие близнецы Коля и Толя. Такие оба сильные и здоровые!

Не успел Митрахван произнести это, как из соседней комнаты выбежала тетка Хведусь и чуть не вцепилась ему в бороду:

— О чем ты тут болтаешь?

Бывший подвозчик кормов оробел и незаметно подвинулся ближе к двери.

— Ты зачем к нам пришел? — уперев руки в бока, устремила на старика пронизывающий взгляд Хведусь.— Насмехаться над нами? Или до сих пор в себя не придешь от радости, что сноха близнецов принесла? У Педэра, может, не двое, а сразу четверо будет!

— Ну, ну, старушка, с гостем так не говорят,— подал голос дед Павел.

— Хитрая лиса он, а не гость! — презрительно тряхнула головой тетка Хведусь.— Думаешь, не знаю, зачем приплелся? — снова повернулась она к Митрахвану.— Чтобы потом язык чесать возле каждого ворот! Ах, мол, старая Хведусь так-то уж переживает, что сын женился на чужой стороне, не показал сначала невесту родителям! А я о невесте из писем все знала, вот! Иди, опечаль этим известием любопытных кумушек!

— Тетка Хведусь, обожди, да чем же я провинился? — взмолился вспотевший от полученного нагоняя старик Митрахван.— Вот как перед богом — ничего плохого не держал в голове!

— Хватит!— прервала старика Хведусь. Она взяла с лавки его шапку и кинула ему на колени.— Иди, гостюшка дорогой, как бы тебя дома искать не начали. Тебе тоже довольно носогрейкой дымить,—перевела она взгляд на мужа.— Расчисти дорожку от снега и дров наколи!

Выставив таким образом мужчин за дверь, тетка Хведусь без сил опустилась на стул и сложила на коленях узловатые руки. Теперь вовсе нечего думать, что сын захочет жить под одним кровом с родителями.

На следующее утро тетка Хведусь пошла к дочери в Хорновары. Хотела, чтобы ей посочувствовали близкие люди — от своего Павла, кроме невнятного мычания, она ничего не слышала.

Дочь и зять усадили Хведусь на диван, напоили чаем, показали ей школьные дневники детей, в которых стояли одни пятерки. Спросили, когда придет Педэр. Зять непременно хотел встретить его на железнодорожной станции и привезти в село на своем новом мотоцикле.

Тетка Хведусь излила перед дочерью и ее мужем свою боль и обиду, потом достала из рукава платочек и приготовилась утирать слезы, когда начнут ее жалеть и утешать. Позволить себе всплакнуть она могла лишь в этом доме, чужие никогда не видели у нее слезинки.

Дочь и зять, однако, повели себя совсем не так, как ожидала оскорбленная мать. Тетка Хведусь, уязвленная равнодушием к ее горю, повторила, что Педэр навсегда поссорил ее с лучшей подругой, тетушкой Кедерук, и нанес оскорбление Гале.

Дочь и ее муж переглянулись, рассмеялись.

— Мама, ну что ты говоришь?— сказала дочь.— Как мог братец оскорбить Галю, когда ни он, ни она не знали, что вы с бабкой Кедерук хотели их поженить? Уж если по совести, так это вам, старухам, должно быть стыдно перед Педэром и Галей...

Не поняли тетку Хведусь даже близкие люди!

Старая женщина намеревалась провести у дочери два дня, успокоить нервы, но, видя такое отношение к своей беде, даже не дождавшись внуков из школы, засобиралась в обратный путь.

Педэр приехал один: то ли он догадывался, что его телеграмма внесла в родительский дом смятение, то ли его жена действительно не смогла выбрать времени — по словам Педэра, она была очень занята.

Родители не узнали сына: и когда уходил в армию, он был рослый и статный, а теперь, да еще в военной форме, выглядел настоящим богатырем. Русые волосы вились, как у деда, но глаза были еще светлее. Улыбка не сходила с его губ, и крепкие зубы блестели, как горошины в созревшем стручке.

Из чемоданов Педэр выложил подарки, заняв ими весь стол. Часть их прислала Гюльшат: тетке Хведусе — удивительно мягкий пуховый платок, чесанки с галошами и дорогой отрез на платье, деду Павлу — кожаные сапоги и костюм. Последний был словно по мерке сшит, и старик, надев его, уже не захотел снимать. Очень понравились ему яловые сапоги, легкие, как хромовые. А Хведусь молча смахнула подарки снохи на лавку, хотя при виде платка, о котором она давно мечтала, сердце у нее, наверное, дрогнуло.

К обеду пришли родственники и знакомые, дом загудел как улей. Педэр не заставил себя просить, охотно рассказывал о своей службе, о товарищах. Сказал, что полк их, можно сказать, интернациональный, потому что в нем встретишь представителей разных народов Советского Союза. Прикипел он к полку сердцем, потому и остался служить сверхсрочно в армии.

Обед, в общем, прошел весело. Не такая тетка Хведусь, чтобы не угостить на славу пришедших в ее дом. Да ведь о том, как встретила она сына, будут по всему селу говорить. И Педэра она, конечно, любит, хотя и принес он ей такое огорчение.

А откровенный разговор с сыном произошел у нее вечером, когда ушел последний гость. Выдвинув из-за лавки заветный сундук с железными уголками, тетка Хведусь открыла его и достала шелковый сурбан. Развернув его, она обратно в сундук убрала столько лет сберегаемую газету со своей фотографией, а сурбан протянула Педэру.

— Когда будешь уезжать,хвати эту вещь с собой, сынок,— произнесла она дрогнувшим голосом.— Широкая скамья жизни, все может случиться. Разладится у тебя с женой твоей, разорвите этот сурбан по-

полам. Одну половину себе возьми, другую отдай ей — обычай такой! Проложится тебе гладкая дорога для возвращения к матери, и для нее путь к счастью не будет заказан.

— Эх, мама, мама, так-таки и не хочешь признать мою Гюльшат своей дочерью? — огорченно спросил Педэр.

— Не могу, сын. Клянусь перед хлебом, что на столе. Прямо тебе говорю: и видеть ее не хочу, а в дом свой и не пушу.

— Да как же ты можешь судить плохо о человеке, которого и в глаза не видела?

— Стара я изменять свои взгляды. А поссоришься из-за нее со мной, что ж, и для тебя, как говорится, вот бог, а вот порог!

— Тьфу, дура старая! — крикнул в сердцах дед Павел, за минуту до этого появившийся в дверях и слышавший последние слова жены. — Рехнулась? Да я сам тебе на порог укажу, если еще подобное ляпнешь!

— Успокойся, отец! — сдвинул брови старшина.

А тетка Хведусь, непреклонная, молча вышла из комнаты, не взглянув на мужа.

В последующие дни обстановка в доме была если не напряженной, то, во всяком случае, натянутой. Педэр надолго уходил то в ремонтные мастерские, где готовили к весне трактора и сеялки его бывшие школьные товарищи, то в клуб, то к кому-нибудь посидеть, поговорить. Два дня провел в Хорноварах у сестры.

Но был у него один хороший день и дома.

Приехала на зимние студенческие каникулы Галя, дочь тетки Кедерук, и забежала проведать тетку Хведусь. Может быть, ей хотелось посмотреть и на brave старшину-ракетчика. Тетка Хведусь встретила Галю как родную. Она подала к чаю мед и разное варенье, заставила девушку выбрать в чуланчике с десятков самых крупных яблок. Вполне возможно, что у нее еще теплилась надежда когда-нибудь увидеть Галю своей любимой снохой.

Педэр поначалу был смущен. Но девушка смотрела такими ясными глазами, держалась так просто, что он понял: она о сговоре старух ничего не знала. Тетуш-

ка Кедерук была умна, раньше времени в свои планы посвящать дочь не стала. И Педэр почувствовал себя свободно.

Когда Хведусь, наверное, не без умысла оставила их одних, они разговорились. Педэр помнил Галю девочкой-подростком, а теперь ей было девятнадцать, и стала она действительно красивой и в то же время серьезной, умной, что чувствовалось в каждом ее слове и взгляде. Она рассказала, почему поступила в медицинский институт, а не музыкальное училище — так хочется избавить людей от всяких болезней! — смеясь, обрисовала подружек по общежитию, мило зардевшись, сказала, что есть в институте и интересные парни. С женитьбой она поздравила Педэра еще за столом, а теперь с любопытством спросила, кто его жена. Педэр ответил, что Гюльшат тоже студентка, уже дипломница, между прочим, мечтает, чтобы при распределении ее послали в Татарию. Заветное ее желание — посвятить себя научной работе.

— Ой, Педэр, познакомишь меня с ней? — воскликнула Галя.

— Обязательно, — пообещал Педэр.

— А ты насовсем остался в армии? — спросила девушка.

— Нет, тоже думаю учиться. В конце года демобилизуюсь, пойду в технический вуз, чтобы строить машины... Только принимают ли в институт женатых?

— Принимают, принимают, — с улыбкой успокоила его девушка.

В общем, очень хорошо провели они время в разговорах и шутках. Галя даже спела несколько новых песенок, которые еще мало кто знал. Расставались тепло, вновь обретая былую непосредственность в отношениях друг с другом. А тетка Хведусь, слыша за стеной веселые молодые голоса, истово крестилась, мысленно вознося молитвы к богу, в которого не верила.

Настал день отъезда Педэра. Из Хорновар прикатил на своем мотоцикле с коляской сестрин муж, чтобы отвезти свояка на станцию. Зашли прощаться со старшиной соседки и его товарищи. Тетка Хведусь опять собрала богатое угощение, приготовила сыну в дорогу. Была она, однако, молчалива, сурова, в будничной одежде.

Когда подошли последние минуты, Хведусь увела сына от провожающих, постояла перед ним, глядя в его обветренное мужественное лицо не потерявшими блеска черными глазами, коротко вздохнула, потом взяла со стула перевязанный шпагатом пакет.

— Тут подарки, что прислала твоя... Верни их ей. Иди. На улицу я не стану выходить. Кто из нас кого обидел — разбирать уж не время, да и без толку. Ты упрямый, и я упрямая. Прощай.

Педэр опустил голову, потом встряхнулся, одернул гимнастерку, взял пакет, по-военному стукнул каблучками сапог и вышел из комнаты. Но у вешалки — все уже одевались — выражение его лица смягчилось, он покачал головой, усмехнулся... Сказал вполголоса подошедшему отцу:

— Ну и характерец у мамани!

— Ох, да ведь и я всю жизнь у нее под каблучком был, — признался дед Павел. — А ты, сынок, пригласи в гости меня, я приеду.

— А дальней дороги не побоишься?

— Чего бояться?

— Очень обрадуешь нас с Гюльшат, если приедешь, — обнял отца Педэр. — Деньги пришлю. Ну-ка спрячь этот пакет подальше, не везти же мне в самом деле подарки обратно...

— Спрячу, сынок. А деньги зачем присылать? Пенсию тратить не на что...

Тетка Хведусь не вышла даже на крыльцо, когда затрещал мотор мотоцикла. Унесла быстрая машина из села рослого светлоглазого старшину...

С того времени своенравная старушка почти перестала выходить из дому. И домашние дела утратили для нее всякий интерес. Случалось, дед Павел, дотемна не дождавшись щей или жаркого, сплевывал и, что-то бормоча себе под нос, сам принимался чистить картошку, чтобы хоть вечером поесть чего-нибудь горячего. Если же пробовал как-то вывести жену из ее душевного оцепенения, она только обжигала его взглядом и уходила в другую комнату.

Минула зима. Наступила зеленая весна.

И вот в одно майское утро, отойдя от жены на безопасное расстояние, он заявил:

— Еду проведать Педэра!

Тетка Хведусь раскрыла рот, потом побагровела. В эту минуту к ней вернулась вся ее энергия. Должно быть, большое желание было у нее так цыкнуть на супруга, чтобы у него никогда мысли не появилось принимать без нее какие-либо решения. Но то ли она поняла, что в этот раз может осрамиться и уж окончательно утратить власть над мужем, то ли восстала ее гордость... Она сухо проговорила:

— Твое дело.

Дед Павел, приготовившийся к длительной борьбе, обрадовался, заспешил и после полудня с чемоданом и большим узлом уже топтался возле колхозного правления, ожидая автомашину, которая должна была идти на станцию.

Вернулся он из поездки через три недели. Всем рассказывал, что гостил бы у сына дольше, — уж так-то хорошо приняли и Педэр с женой, и все военные, но полк уезжал в летние лагеря. Деда Павла было не узнать: он словно помолодел, повидав дальние места, коротко постриг бородку, явился в белой нейлоновой рубашке; в разговоре так и сыпал военными терминами. На вопросы о Гюльшат отвечал, что Педэр сделал хороший выбор: женщина умная, добрая и собой пригожа, правда, худенькая. Ну да что — пополнеет. Очень заразительно смеется, до слез, а кто так смеется — хороший человек...

Сноха опять прислала подарки. На этот раз тетка Хведусь со стола их не смахнула, но не стала и рассматривать, засунула в нижний ящик комода. Сама она ни о чем мужа не спрашивала, но, когда он начинал рассказывать о семейной жизни Педэра, не уходила из комнаты. Когда же дед Павел сказал, что Педэр со сверхсрочной службы осенью уходит, что молодые решили переехать в Казань и Педэр поступит в институт, старуха с язвительной улыбкой на тонких губах произнесла:

— Покукует отставной воин по чужим-то углам.

Осенью Педэр прислал письмо, действительно, уже из Казани: сообщал, что он и жена устроились на работу, учиться он будет на вечернем отделении, одна из родственниц Гюльшат на время уступила им свою квартиру. Теперь он, Педэр, сможет часто навещать родителей. Казань ведь совсем рядом...

— Как, моя старушка, может быть, мы на красные

дни ноября съездим к сыну? — спросил дед Павел. — Вон и бабушка Кедедук собирается к дочери.

— Сиди, мочало, — хмуро отрезала Хведусь. — Не присохнет к бабушкѣй юбке, сам придет. А чтобы я вошла в ее дом...

Много упущенного надо было наверстать за время, когда бразды правления выпали из рук, и тетка Хведусь, не зная устали, навела порядок в доме. Вымытые и проветренные чуланчики снова наполнились дарами сада и пасеки, на убранном огороде задымили кучи навоза, во дворе на шестах повисли для просушки пучки хмеля. Дед Павел по указанию жены поспешал туда и сюда с молотком и топором.

Но тут случилась беда...

Тетка Хведусь давно чувствовала боли в животе. Иногда на несколько дней у нее пропадал аппетит, и она ничего не ела, хотя качалась от слабости. А однажды у нее началась такая сильная рвота, что испуганный дед Павел выскочил из дому и побежал без фуфайки и шапки за фельдшером.

Диагноз, поставленный фельдшером, был серьезен. Тетку Хведусь нужно было немедленно отправить в больницу, и даже не в районную, а городскую, в Чебоксары или в Казань. До Казани, кстати говоря, было ближе.

Минут через двадцать после ухода фельдшера пришел сам председатель колхоза и сказал, что за транспортом задержки не будет: на железнодорожную станцию больную отвезет лучший колхозный шофер Кергусь. Он и билет возьмет, и поможет тетке Хведусе сесть в поезд. Ехать председатель посоветовал в Казань.

Тетка Хведусь ни разу не ездила в поезде, как это ни удивительно. На совещание передовиков-колхозников много лет назад их возили в разукрашенном автобусе. Но раз уж выпало такое испытание, она согласилась ехать в Казань — все-таки Педэр не бросит мать, встретит на вокзале и навестит в больнице.

Старуха надавала мужу множество наставлений, сказала, чтобы выпечь хлебы он позвал Кедедук, наказала ничего не сообщать дочери и внукам. На случай смерти у Хведуси давно уже было написано завещание,

эту бумагу она достала из сундука и отдала деду Павлу. Потом обнялась с мужем, поклонилась в пояс стенам родного дома и, укутанная в платки, вышла к машине, плохо видя от застлавших глаза слез.

Шофер Кергусь, может быть, и отлично водил «газик», но парень он был легкомысленный и такой сердобольный, что не мог не предложить каждой девушке, встреченной на дороге, подвезти ее. Два раза он сделал порядочный крюк, чтобы высадить случайных пассажиров в нужном им месте. Потом оказалось, что он позабыл заправить бак бензином и заехал в какой-то совхоз исправить свою оплошность. Короче говоря, когда он доставил тетку Хведусь на станцию, выяснилось, что поезд на Казань уже ушел, а следующий будет только ночью.

Тетка Хведусь, погруженная в думы о своей болезни, о том, успеет ли дойти телеграмма до Педэра, и об оставшемся без пригляда своем старике, не обращала ни на что внимания, не заметила и сконфуженного вида Кергуся, когда тот вернулся из билетной кассы. А струхнувший парень соображал, как ему выпутаться из затруднительного положения. Наконец его осенило. Он провел старуху в вокзальный буфет, заказал ей чаю и булочек, а сам исчез, велел дожидаться его.

Через час Кергусь появился и сказал, что им нужно еще немного проехать. Тетка Хведусь покорно замотала свои платки и, выйдя из вокзала, снова залезла в «газик». Машина быстро покатила по прямым и кривым улицам, выехала в поле и остановилась у одноэтажных домиков.

Из ближнего домика как раз высыпали люди и цепочкой потянулись куда-то между серебристых баков, ящичков и каких-то накрытых брезентом машин. Кергусь повел больную за ними. Тетка Хведусь, чтобы не споткнуться, смотрела только вниз, под ноги,— дед Павел предупреждал, чтобы она была осторожна. Но никаких рельсов не было, благополучно дошли до невысокой лесенки, приставленной к боку вагона. Тут шофер вручил тетке Хведусе ее чемоданчик, билет и попрощался:

— Поднимайся, занимай место и чувствуй себя спокойно. Через час будешь в Казани. Желаю скорей поправиться, тетка Хведусь!

В вагоне было уютно, тепло, на круглых окнах — бе-

лые шторы, кресла мягкие, с подлокотниками. Тетка Хведусь, распеленав себя, с удовольствием опустилась в одно из них. Муж недаром расхваливал удобства, с какими ездил весной к Педэру. Пожалуй, потолки низковаты и кресла больно близко поставлены одно к другому, но если ехать всего один час...

Тут тетка Хведусь вспомнила, что председатель колхоза говорил, чтобы она поспала в дороге, потому что поезд приедет в Казань рано утром. Как же это так: то один час, то ехать до самого утра? Или Кергусь посадил ее в какой-то другой поезд? Тетка Хведусь хотела было попросить кого-либо из попутчиков разрешить ее сомнения, но постеснялась признаться, что впервые очутилась на железной дороге. К тому же, все еще устраивались, не до нее было людям. «Балабола Кергусь не подумав сказал»,—успокаивала себя Хведусь и стала ждать, когда вагон покатится.

Соседнее кресло у окна заняла девушка с кудряшками, которая долго возилась, прилаживая в ногах и в сетке над головой корзиночки и коробки. Разместив свой легкий, но неудобный багаж, она, наконец, угомонилась, облегченно вздохнула и, взглянув на часики на руке, неожиданно обратилась к Хведусе:

— Вас в воздухе не тошнит, кугамай?¹

Тетка Хведусь про себя решила, что не будет рассказывать в дороге о своей болезни—еще подумают, что заразная, станут сторониться,—и поэтому, не совсем вникнув в смысл вопроса, холодно ответила:

— Не тошнит, милая.

В эту минуту раздался сильный гул, пол задрожал, тело стало вдавливаться в спинку кресла. Одна из корзиночек, стоявших в ногах у девушки, опрокинулась, и из нее посыпались яйца. Видно, они были вареные, потому что не разбились, а как живые, забегали по ковру в проходе. Девушка залилась краской. Двое мужчин встали и с улыбками начали собирать яйца. Всех развеселило это маленькое происшествие. А тетка Хведусь и не заметила, как сильный гул вдруг затих, перейдя в мерный рокот, и стало легко и спокойно.

— Поехали, что ли?—спросила она у девушки, к которой теперь уже чувствовала симпатию.

Девушка, все еще розовая от смущения, пристроив

¹ Кугамай (чувашиск.)—бабушка.

корзиночку с яйцами понадежнее, засмеялась, потряхнув кудряшками:

— Не поехали, а полетели, бабушка!

«Шутит,— подумала она,— али нет?»

У тетки Хведуси на мгновение потемнело в глазах и остановилось сердце. Полетели—это же, значит, в ероплане. Как же она в него попала? Ведь Кергусь привез ее на железнодорожный вокзал, она в буфете и чай пила...

То, что парень увез ее с вокзала, у тетки Хведуси как-то выпало из памяти. А девушка отдернула с окошка шторку и весело проговорила:

— Поглядите, кугамай, как все хорошо видно! Вон лес—деревья, как спички, а домики поселка—словно детские кубики...

Но тетка Хведусь крепко зажмурила глаза и, вцепившись в подлокотник кресла, издавала только жалобный стон.

Знала бы тетка Хведусь, что ее впихнут в самолет, она выросла бы в землю, а там хоть тяни веревкой за шею. Она и молодой не решалась влезать даже на крышу дома, так боялась высоты.

Однако прошло пять, десять минут, и старуха, перебив страх, открыла глаза. Люди сидели в креслах спокойно, одни читали газеты, другие разговаривали. Никакого беспокойства, по-видимому, не испытывала и ее соседка, девушка с кудряшками.

Тетка Хведусь, как вы, наверное, заметили, была самолюбива и обладала чувством собственного достоинства. Это помогло ей взять себя в руки. В конце концов летела она не одна, из кресла не выкидывало и даже не трясло, как в автомобиле. Если же она сойдет на землю жива-здоровая и вернется домой, то утрет нос не только своему старику, но и всем односельчанам, из которых, пожалуй, никто под облака не забирался...

Обтерев потный лоб, тетка Хведусь осмелилась скосить глаза в окно. Но увидела она немного, потому что надо было бы придвинуться ближе. Впрочем, видеть землю далеко под собой она и не хотела. Да и что разглядишь с такой высоты, когда для того, чтобы найти упавшую на пол иголку, и то надо надеть очки? У молодых, конечно, глаза зорче...

— Мы уже над Свягой... Скоро и Волга! — встряхнула кудряшками ее соседка, не отрывавшаяся от окна...

— Тоже в первый раз на ероплане летишь? — спросила девушку Хведусь.

— Нет, летала, кугамай, — по-прежнему называя тетку Хведусь бабушкой, весело ответила кудрявая. — Но это совсем новый самолет, раньше на этой трассе летали только старенькие «АН-2».

Тетка Хведусь с уважением посмотрела на девушку, которой лет-то не больше двадцати, а разбирается в таких делах, но сочла нужным сказать что-то значительное и о себе.

— У меня, милая, сын в ракетных войсках служил. А сейчас он в Казани работает и по вечерам в институте учится, — сообщила она, поправив на голове платок.

— Очень рада за вас, — отозвалась общительная соседка. — Приятно лететь в гости к сыну на самолете.

Тетка Хведусь с трудом сдержала тяжелый вздох, подумав о больнице, где неизвестно как будут лечить, может быть, отправят на операцию, и о снохе, из-за которой не сможет поехать к Педэру. Вспомнив, однако, что нельзя говорить о своей болезни, и не желая посвящать постороннего человека в семейную драму, старуха изобразила на лице удовлетворение и кивнула:

— Да уж, удивится Педэр. Телеграмму-то ему послали, что я в поезде приеду.

— А вы уже бывали у сына? — спросила девушка.

— Не бывала. Он недавно из армии вышел, — ответила Хведусь.

— Тогда вам придется взять на аэродроме такси. Скажете шоферу адрес, и он отвезет. Сделаете сыну сюрприз, — рассмеялась девушка.

Что такое такси, тетка Хведусь знала. Но где его искать и поедет ли городской шофер с ней в больницу? Тетка Хведусь снова пригорюнилась. Чтоб пусто было обманщику Кергусю, так ее подвел! Старушка пошупала карман кофты, заколотый двумя булавками: не потеряла ли деньги и ту бумажку, что дал фельдшер? Тогда совсем, как прилетит в эту Казань, хоть ложись и помирай... Деньги и бумажка были на месте. А как о себе сообщить из больницы Педэру? Ох, не надо было трогаться вообще из дому, если уж суждено помереть, так в своей бы избе...

Вдруг люди всполошились, стали одеваться, выдвигать в проход между креслами свои вещи. Тетка Хведусь беспокойно огляделась и машинально тоже стала закутываться в свои платки.

— Остановка, что ли, будет? — спросила она кудрявую.

— Уже Казань, кугамай! Видите, как быстро долетели?

Неожиданно пол стал уходить из-под ног, сердце сжалось, уши словно закупорило. Тетке Хведусе показалось, что они падают, и она громко вскрикнула. На секунду перед глазами мелькнула картина из далекого детства: она, босоногая девчонка, стоит в поле и смотрит, как из небесной синевы черным комочком летит к земле замолкший жаворонок, который минуту назад, трепеща крылышками и распевая, поднимался ввысь...

— Вам нехорошо, кугамай? — откуда-то издалека донесся встревоженный девичий голос.

Но внезапно тяжесть, навалившаяся на сознание и тело, исчезла, остался лишь легкий звон в ушах, который был даже приятен.

Тетка Хведусь увидела, что за окном бегут дома, совсем так, как если бы она ехала в автомашине. Накренило в сторону — это они куда-то повернули. Потом самолет побежал тише и остановился совсем.

Весело переговариваясь, люди стали выходить в открывшуюся дверь. Девушка с кудряшками собирала свои корзинки и коробки. Тетка Хведусь обмякла в кресле после испытанного страха, но понимала, что надо встать и ей. Жестом она попросила, чтобы девушка помогла ей подняться. Та заботливо поддержала ее под локоть и довела до двери, от которой спускалась уже знакомая лесенка.

— Сможете одна дойти, кугамай? — спросила кудрявая.

— Лазаю же сама в погреб... Спасибо те, милая! — ответила тетка Хведусь.

Едва опустилась она на гладкий бетон, рослый мужчина в синем пальто и каракулевой шапке выхватил у нее из рук чемоданчик, а потом крепко обнял.

— Педэр! — охнула старушка, едва веря своему счастью.

— Я, мама, я! — улыбаясь, отозвался Педэр.

Тетка Хведусь еще не видела сына в штатской одежде — то, каким был до ухода в армию, в счет не шло — и с удивлением оглядывала представительного, совсем городского по внешности своего младшего. Не похудел, и глаза веселые.

— Да как же ты сюда-то приехал? По ошибке ведь я в ероплане прилетела, — произнесла Хведусь.

— Кергусь позвонил. Догадливый парень. Вернешься домой, передай ему привет, — ответил Педэр.

— Палкой я его по спине вытяну! — пообещала тетка Хведусь.

Педэр вывел мать через ажурные ворота на городскую площадь. Скоро по его знаку к ним подъехала легковая автомашина с черными шашечками. Когда сели в такси, Педэр сказал:

— К нам поедет, мама? Отдохнешь, переночуешь, а утром в клинику.

— Нет, сын, — отрезала тетка Хведусь. — Не гостить я приехала, сам знаешь. На-ка вот бумажку, тут адрес больницы.

Знал, знал Педэр, почему не хочет ехать к нему мать... Нахмурившись, он сказал водителю такси, куда их везти.

В этот день прием больных уже закончился, но Педэр, оставив мать на диване возле окошечек регистратуры, пошел хлопотать перед больничным начальством... Тетка Хведусь, горестно поджав губы, не двигалась, глядела в одну точку, думая о том, что придется ей, видно, ночевать где-нибудь тут, в коридоре. В городе есть специальные дома для приезжих, но знает ли о них Педэр и захочет ли отвезти ее туда? Принять предложение Педэра и поехать к нему упрямая старуха ни за что не хотела, потому что пришлось бы встретиться со снохой.

Но вот в приемную вошел Педэр в накинутом на плечи белом халате, и тотчас за матовым стеклом, в котором были прорезаны окошечки, раздался телефонный звонок. Одно окошечко открылось, и женский голос попросил направление и паспорт больной. Через несколько минут пришла полная, добродушная с виду медсестра. Педэр поцеловал мать, сказал, что будет часто приходить к ней, сейчас же купит соки и апельсины, которые

ей необходимы, и велел не скучать и не расстраиваться. Тетка Хведусь вытерла платком глаза и последовала за медсестрой в глубину здания.

Болезнь оказалась запущенной. Три дня тетку Хведусь исследовали разные врачи, сделали рентгеновский снимок, взяли анализы, заставили заглотать длинную резиновую трубку, чтобы получить желудочный сок. Упрекали, что раньше не обращалась к врачам. Но в конце сказали, что обойдется без операции, однако в больнице придется лежать не меньше месяца.

Главной над палатой, в которую поместили тетку Хведусь, была русская женщина-врач, такая внимательная, что казалось, все больные приходились ей родственниками. Была она уже немолодая, носила очки и говорила очень мало, зато готова была, не проявляя нетерпения, выслушать каждого. Для новой больной она распорядилась принести еще одно одеяло и вторую подушку. Тетке Хведусе очень понравилась эта майра, как почтительно называют чуваша хорошую русскую женщину, и она старалась ничем не вызывать ее неудовольствия: принимала все микстуры и порошки и молча переносила болезненные уколы.

Но один раз тетка Хведусь провинилась. Ей стало лучше, и она решила походить по палате, размять ноги. Надев халат, заправила свою кровать и заодно прибрала в тумбочке. Старуха чувствовала себя очень неловко оттого, что за ней ухаживают другие люди. Она хотела тоже пойти помыть где-нибудь еще не убранную после обеда посуду, которую собрала с других тумбочек, но в это время в палату вошла майра-доктор.

Пусть бы она сердито отчитала — тогда тетка Хведусь с поклоном извинилась бы за то, что нарушила предписанный ей постельный режим, и объяснила, почему встала. Ну как деревенской женщине лежать, если она может стоять на ногах и что-то делать? Но доктор никакого выговора старухе не сделала. Она просто взяла ее за руку, подвела к кровати и мягко сказала, что нужно выполнять указания врача.

Зато тут же вызванную медсестру распекла так, что у той побелели губы. Надо, мол, и за больными лучше смотреть, и следить, чтобы санитарки вовремя производили уборку, и, чтобы старушка не скучала, прийти почитать ей книжку или газету. Тетка Хведусь чуть не

провалилась сквозь пол, так стыдно ей было, что она навлекла гнев доктора на медсестру.

Аппетит у нее по-прежнему был плохой, ела она мало, и ее силы поддерживали в основном разные фруктовые соки. Педэр каждый день посылал их через санитарку. В дни, когда пускали посетителей, он приходил сам с полной сумкой гостинцев. Хорошим сыном оказался Педэр, мать не могла нарадоваться. Но принимала она гостинцы с разбором. Если видела, например, пирожки, явно испеченные дома, а не купленные в магазине, то возвращала их обратно.

— Гюльшат очень беспокоится о твоём здоровье, мама,— сказал как-то Педэр.— Не передать ли ей от тебя привет?

Тетка Хведусь долго молчала, словно не расслышала вопроса, но потом нехотя, через силу ответила:

— Передай...

Как она могла отказать, если единственный сын так о ней заботится?

Тетка Хведусь заметила, что Педэр и майра-доктор, встречаясь, о чем-то переговариваются и сын словно на чем-то настаивает.

И вот однажды с доктором пришла молодая женщина, видно, тоже врач, потому что на груди у нее висела трубочка, которой выслушивают больных. Майра подвела ее к кровати тетки Хведуси и сказала:

— Вот мать молодого человека, который так часто к нам приходит.

— Здравствуйте,— ласково поздоровалась та по-чувашки.

Тетка Хведусь обрадовалась, услышав родную речь. Русский язык она понимала хорошо, а говорила на нем с затруднением.

— Уважаемая, вы из наших мест? — спросила она молодую женщину.

Та с улыбкой ответила.

— Нет, но я учусь чувашскому.

Доктора вполголоса посоветовались между собой, и пожилая майра объявила больной:

— Теперь вас будет лечить вот этот доктор.

Сначала тетка Хведусь думала, что так захотел Педэр. Но вскоре поняла, что майра, всегда такая обходительная и терпеливая, попросту наказала ее. Ах, какую

оплошность сделала она тогда, встав с постели и начав разгуливать по палате!

Кареглазая молодая врачиха с тонким лицом и приятным голосом оказалась гораздо строже и требовательнее. Правда, иногда она очень заразительно смеялась и с интересом расспрашивала о семье Хведуси, о селе, в котором та прожила всю жизнь, о том, каким в детстве был Педэр. Но зато могла и прикрикнуть, а лечебные процедуры придумывала такие, что тетку Хведусь едва не выворачивало наизнанку. И стала чуть не насильно заставлять есть кашу, творог, какие-то жиденькие супы, которые не имели вкуса и не лезли в горло.

— Я хочу вас быстрее поставить на ноги,— говорила молодая майра.

— Ох, жесткое сердце у нее,— пожаловалась как-то Хведусь соседке по койке, тоже старушке.— Видно, не хочет возиться со старым человеком, норвит побыстрее выпроводить из больницы.

— Не знаю, кто из нас двоих старше,— отозвалась соседка.— Но скажу тебе: твоя доктор — Галия — может быть, одна из тысячи по доброте и заботливости. Не смотри, что она строга,— на ответственной работе нельзя иначе. Кто счастье здоровья нам возвращает? Она большой специалист по твоей болезни, такого тут в больнице не было. Приходит из какого-то научного института. Знаешь, что шепнула мне санитарка? Всю еду для тебя доктор Галия сама готовит.

— Может ли это быть? — поразилась тетка Хведусь.

Она долго лежала молча, потом переспросила:

— Говоришь, зовут ее Галия?

До вечера думала тетка Хведусь какую-то думу. А когда в палате включили свет, она прошептала, закрывая повлажневшие глаза: «Колечко ей подарю... Попрошу взять от меня, старой и глухой, на память...»

В самом деле, тетка Хведусь стала быстро поправляться. Вскоре она уже могла есть почти все, что любила. Когда доктор неожиданно принесла ей кислое молоко (о таком старуха втайне мечтала), приготовленное точь-в-точь так, как делают в Чувашии, она даже не смогла как следует поблагодарить: вдруг пропал голос. Но доктор Галия, должно быть, поняла, как она обра-

дована, что улыбнулась и легким движением провела тонкими пальцами по ее волосам.

Тетка Хведусь очень хотела, чтобы доктора Галию увидел Педэр. Но в те дни, когда он приходил, Галия, как нарочно, была занята в своем научном институте. Какие же хорошие люди врачи. Всем они помогают... Старуха вздыхала, когда вспоминала Галию, дочь Кеде-рук, она ведь тоже учится на врача. Эх, не послушался материнского слова Педэр...

Доктора Галию Хведусь видела всегда в белом халате и белой шапочке, и ей трудно было представить ее в нарядном платье. Но и в халате она была хороша. Правда, красота ее была не такой, как у дочери Кеде-рук, более строгой. Ну да ведь это ученая женщина! Тетка Хведусь знала от медсестры, что доктор замужем, в Казань приехала откуда-то с севера.

Старуха долго размышляла, как подарить колечко доктору. Это кольцо было не золотое, а только серебряное, но с таким искусным узором, что глаз не оторвешь. Досталось оно Хведусе от матери, а той от ее матери, а той, наверное, от ее. Было оно в их семье реликвией. Никогда не расставалась с ним Хведусь, хотя носила не на пальце, а на цепочке на шее, как иные старухи крестик.

Тетка Хведусь решила, что тут, в палате, попросить доктора взять на память кольцо неудобно, и придумала такой выход: она отдаст кольцо Педэру и накажет ему обязательно встретить Галию у входа в больницу. Педэр, конечно, исполнит ее желание. Он тоже ученый человек и сумеет объяснить доктору, что этот подарок от всей души.

Когда сын пришел, Хведусь передала ему кольцо. Педэр сначала не хотел брать, а потом засмеялся, кивнув, и крепко поцеловал мать в губы. Раскрыв сумку, с которой всегда приходил, он достал банку компота из яблок и пакет с домашним печеньем.

— Гюльшат с нетерпением ждет твоего полного выздоровления, — произнес он. — От этого печенья ты никак не можешь отказаться.

— Нет, нет, мне, может быть, нельзя его есть, — ответила, отводя глаза, тетка Хведусь. — Другая Гюльшат сделала мне радость, принесла кислого молока...

— Тогда и я в следующий раз принесу...

— А кто его приготовит? — усмехнулась старуха.

— А ты вспомни, — засмеялся Педэр. — Ведь я помогал тебе квасить молоко, когда жил дома...

Он все-таки оставил печенье, сказал, что иначе вернет кольцо, не станет передавать его доктору. Тетке Хведусе даже пришлось при нем развернуть пакет, посмотреть, какое печенье, но когда сын ушел, она отдала его другим больным.

На следующий день тетка Хведусь узнала, что Педэр ее поручение выполнил.

Доктор Галия вошла в палату оживленная, громко поздоровалась со всеми, подошла к своей пациентке, которой уже разрешили сидеть, и, наклонившись к ней, с улыбкой сказала:

— Спасибо за подарок, Хведусь-аппа. От больных нельзя принимать, но от вас... право, вы мне как родная! Я буду всегда хранить это колечко. Ваш сын объяснил, что оно вроде талисмана.

Затем, расспросив старуху о самочувствии, неожиданно спросила:

— Ведь ваш сын женат? Почему же к вам ни разу не зашла сноха? Наверное, она очень плохая женщина?

Тетка Хведусь смутилась, но ответила начистоту:

— О чем нам с ней говорить?

— Ну, ничего, — засмеялась доктор, — когда-нибудь все же познакомитесь со своей снохой, может быть, еще и подружитесь. А сейчас я вам скажу хорошее. Через недельку мы вас выпишем! Простите, Хведусь-аппа, в эти дни я буду реже вас посещать, дел много...

Доктор Галия ушла, и на какое-то время в палате словно стало темнее. Тетке Хведусе вдруг стало грустно оттого, что скоро она покинет больницу, в которой столько добрых людей, и больше никогда не увидит молодую докторшу с тонким лицом и умными карими глазами, то строгими, то ласковыми.

Но это состояние быстро прошло, а на старуху обрушилась огромная радость: скоро она вернется в свой дом, к деду Павлу, к привычным заботам, к своим огородам и саду... Опять будет навещать дочь и внуков в Хорноварах... Она тут же встала с кровати — ее уже за это не будут бранить — и начала обходить других больных, сообщая им, что сказала врач Галия, и спрашивала, не нужно ли кому чем-нибудь помочь.

Теперь тетка Хведусь могла познакомиться и с городом, конечно, пока из окон палаты и коридоров. Оказывается, уже снег выпал. Какие громадные дома на улицах — в пять и больше этажей! Внизу автобусы с железными дугами, от которых иногда сыплются искры, проплывают, как большие сомы в реке. У этих автобусов другое название: троллейбус... А людей, людей сколько, и все куда-то спешат: видно, в большом городе Казани все заняты важными делами и не отлынивают от работы, как кое-кто в их колхозе...

Настал день, и тетка Хведусь стала прощаться с женщинами, лежавшими в палате, пожилой майрой-доктором, медсестрой и санитарками. Медсестра предупредила, что выпишут ее после обеда, одежду она получит у сестры-хозяйки. Тетка Хведусь с нетерпением ждала доктора Галию и Педэра, потому что он должен был проводить ее на вокзал. Кроме того, она хотела попросить сына купить кое-что для мужа, дочери и соседей: нельзя же возвращаться из города с пустыми руками, а деньги она в больнице совсем не тратила. Она решила даже купить какую-нибудь мелочь — галстук или носки — зловредному Кергусю, его выдумка с аэропланом в общем-то обернулась к хорошему...

Она сидела в вестибюле уже одетая, а Педэра все не было. С доктором Галией тетка Хведусь попрощалась очень сердечно — она пришла еще до обеда, принесла коробочку с лекарствами и дала несколько рецептов на всякий случай. Сказала, что тоже подождет Педэра. Сейчас она пошла переодеться, предупредив, чтобы без нее не уходили.

Тетка Хведусь приподнималась с кресла всякий раз, как хлопала дверь, но входили незнакомые люди. Что же задержало Педэра, неужели он забыл, что пообещал прийти в три часа?

По лестнице спустилась доктор Галия, которую Хведусь едва узнала: в меховой шубке, шапочке и высоких сапожках она казалась еще моложе, выше ростом.

— Выш сын звонил сюда по телефону и сказал, что никак не может отлучиться с работы, — сказала доктор, озабоченно покачав головой. — Он будет занят и вечером. Просил меня, Хведусь-аппа, проводить к нему на квартиру. Адрес я записала.

— Нет, нет,— возразила тетка Хведусь, которая не могла позволить себе так утруждать доброго доктора. И встречи со снохой она не хотела.— Что же,— сказала она, тяжело встав и взяв свой чемоданчик.— Значит, не судьба. Педэр у меня хороший, без большой причины не оставил бы одну... Поеду на вокзал, как-нибудь доберусь. Говорят, язык до неба доведет.

— Вот уж этого я не могу допустить,— решительно произнесла доктор.— Поезд будет только утром. И если вы не хотите поспориться со мной, тогда побудьте до завтра у меня.

— Ох, доченька моя! — воскликнула тетка Хведусь, впервые назвав так доктора.— Да как я вам оплачу за все заботы? Не помешаю ли я вам, не доставлю ли хлопот? Лучше я попрошусь к кому-нибудь другому переночевать, деньги у меня есть...

— Никакого беспокойства вы мне не доставите,— улыбнулась Галия.— И ехать ко мне совсем недалеко...

Троллейбус повез их по широкой улице. По обеим сторонам ее росли деревья, пушистые шапки снега сверкали на ветвях. День стоял мягкий, светило солнце, и от чистого снега мир казался обновленным.

Доктор Галия и тетка Хведусь сошли у большого розового дома. Двери у подъезда были стеклянные с золотистыми дверными ручками. Лифт, точно такой, как и в больнице, быстро поднял наверх. Галия подошла к одной из дверей, выходящих на площадку, достала из сумочки ключ и открыла ее.

— Вот здесь я живу с мужем. Заходите...

Тетка Хведусь всегда была стеснительна у чужих людей, несмотря на свой характер, но к доктору Галие чувствовала полное доверие. Не всякий человек приветливо отнесся бы к простой деревенской старухе. Поклонившись хозяйке, Хведусь переступила порог.

— Мир хорошему дому! — произнесла она, еще раз поклонившись в прихожей.

Хозяйка показала, где вешалка, потом провела в комнаты. Две комнаты были в квартире Галии. Город все же город, живут тут красиво: стоит шкаф полированный, на полу ковры, два дивана, у стены зеркало в полный рост. Конечно, нет того простора, как в доме тетки Хведуси. Но где же просторно разместить в городе сотни тысяч людей?

Доктор подала гостье мягкие тапочки из заячьей шкурки, а сама пошла в кухню вскипятить чай.

Во второй комнате, где стояли диваны, висела чья-то большая фотография в рамке. Внимание Хведуси привлекло то, что вокруг нее обвивалась белая широкая повязка с красными каймами и свисавшими узорчатыми кистями. Очень это было похоже на то, как вешает молодая чувашка в своем доме свадебный сурбан. Тетка Хведусь сделала несколько шагов вперед и удивилась еще больше: этот сурбан был похож на ее собственный, который она отдала Педэру.

Старуха подошла к фотографии еще ближе, но не она ее интересовала, а висевший на ней сурбан. Или на старости лет она уже стала выживать из ума? Тетка Хведусь могла бы поклясться, что эти узоры она сама вышивала полсотни лет назад! В груди застучало сердце, ноги едва не подкосились... Вдруг Хведусь увидела такое, отчего сердце ее, подскочив, остановилось: на уголке фотографии висело и ее кольцо на тонкой цепочке...

Только тогда старуха впиалась взглядом в снимок под стеклом. Ну да, это ее Педэр в военной форме, а рядом с ним... да чье же знакомое лицо? Неужели доктор Галия? Старуха попятилась, протерла глаза, чтобы взглянуть как следует. Тот же высокий лоб, тонкое лицо, такая славная улыбка... Галия!

За спиной у тетки Хведуси послышался тихий смех. Старуха с растерянным, недоумевающим видом оглянулась, хозяйка стояла в проеме двери, держа в одной руке чайник, а в другой сахарницу, и весело глядела на нее. Потом, быстро поставив чайник и сахарницу на стол в первой комнате, она тоже подошла к фотографии.

— Узнали, Хведусь-аппа?

— Только ли узнала... Но как это может быть? — пролепетала старуха.

— Педэр — мой муж, поянам, — сказала доктор Галия по-чувашски, назвав тетку Хведусь уважаемой свекровью.

В эту минуту из головы Хведуси вылетело все, что она думала прежде о снохе... Они сидели в обнимку на диване, когда в квартиру весело вошел Педэр...

Вот и все, что мы хотели рассказать о черной полосе в жизни тетки Хведуси. Она, как видите, минула бла-

гополучно, и, как у всякой веселой истории, у рассказа хороший конец.

Ну, а тетка Хведусь действительно стареет. Бег времени безжалостен, хотя она старается не поддаваться ему: по-прежнему каждый день меняет платья, повязывая их кушаком повыше да потуже, ходит прямо, на голове у нее всегда чистый платок. Конечно, теперь она не смогла бы, как когда-то, пробежать целый километр за волком, повстречайся он ей в пути в Хорновары.

Но мы не все рассказали о тетке Хведусе. Надо прибавить, что, несмотря на свой возраст, она любого молодого может просветить в отношении того, летом или зимой и в какую погоду лучше лететь на самолете и удобнее ли это, чем ехать в поезде. Потому что тетка Хведусь, загруженная делами по дому и часто посещая дочь в Хорноварах, нет-нет да и отправляется на несколько дней в Казань. Зачем — это уж вы сами понимаете. И предпочтение она отдает воздушному транспорту, потому что каждый час у нее на счету.

Ох, посмотрели бы вы, как они отправлялись в гости к Педэру вместе с дедом Павлом. Шофер Кергусь потом рассказывал об этом целую неделю. Дома дед Павел согласился лететь самолетом, но когда Кергусь привез их на посадочную площадку, дед вдруг струсил и наотрез отказался подниматься в самолет по металлической лесенке. Он спрыгнул с третьей ступеньки и при этом чуть не вывихнул себе ногу. Тетка Хведусь, однако, не дала своему старику выйти из повиновения: она схватила супруга за руку и громко крикнула:

— Люди добрые, помогите!

Двое мужчин, подумав, что старику неожиданно стало плохо, подхватили деда Павла под мышки и внесли в самолет. При этом никто не заметил, что с его головы свалилась кепка. Так он и улетел без кепки. Ее Кергусь привез обратно в село, и поговаривают (правда, Кергусь это с лукавой улыбкой отрицает), что он потом заставил деда Павла выкупить кепку за жбан пива.

Но пора уж кончать наш рассказ о тетке Хведусе, которой мы желаем еще многих лет жизни.